

Внешние связи приграничных российских регионов

Л.Р. Рустамова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Несмотря на наметившуюся тенденцию деглобализации, в мире сохраняются высокая степень взаимозависимости стран и запрос на решение глобальных проблем через международное сотрудничество субнациональных единиц. Внутригосударственные регионы существенно влияют на характер межгосударственных отношений посредством усиления своих культурных и торгово-экономических связей, которые нередко содействуют интенсификации межгосударственного диалога. Цель этого исследования состоит в том, чтобы проанализировать основные факторы и особенности международной деятельности приграничных регионов России как территорий, находящихся в непосредственной близости от зарубежных государств и имеющих наибольшее количество «точек соприкосновения». Также в работе поставлена цель выяснить, как их международные связи влияют на внешнюю политику России. В ходе исследования было установлено, что за короткий период становления нового нормативно-правового регулирования после распада СССР, российские регионы, согласно теории акторности Б. Рассета и Х. Стара, сумели приобрести все черты влиятельных негосударственных акторов мировой политики и интегрироваться в самые разнообразные международные структуры, в рамках которых они реализуют совместные с зарубежными регионами инфраструктурные проекты, а также развивают местное самоуправление. Факторы выхода российских приграничных регионов на международную арену включают в себя общность социально-экономических проблем и проблем безопасности с регионами сопредельных государств, наличие этно-конфессиональной и культурно-языковой близости с регионами других стран, а также геополитические факторы, имеющие значение для внешней политики федерального центра. Выстраивая тесные связи на основе культурной, языковой, этнической близости, российские регионы выполняют «компенсирующую функцию», восполняя дефицит взаимопонимания на уровне двусторонних отношений. Они также выступают «дипломатическими агентами» федерального центра в международных организациях, занимающихся укреплением демократии на местном уровне, а также обладают потенциалом наращивания «мягкой силы» России. Несмотря на наличие определённых издержек приграничного сотрудничества регионов, которые правительство решает посредством усиления нормативно-правового регулирования их внешних связей, важность данного сотрудничества подтверждается практическими мерами поддержки выхода регионов на международную арену федеральным центром.

УДК: 327.3

Поступила в редакцию: 20.01.2021 г.

Принята к публикации: 15.12.2021 г.

Ключевые слова: регионализация, приграничное сотрудничество, акторность внутригосударственных регионов, трансграничный актор, еврорегионы, геополитический фактор, социально-экономические проблемы, этно-конфессиональный фактор, культурно-исторический фактор

Активизация выхода регионов на международную арену – общемировой тренд. При этом, несмотря на разный уровень жёсткости нормативно-правового регулирования возможностей выхода регионов на внешнеполитическую арену, он наблюдается как в федеративных, так и в унитарных государствах. Осуществление международной деятельности регионами, при которой постепенно всё более чётко проявляются их собственные интересы, в ряде случаев отличающиеся от государственных, а также аккумуляция значительных ресурсов влияния при выстраивании сетей отношений с целым рядом зарубежных структур привели к тому, что внутригосударственные регионы стали рассматриваться как негосударственные акторы мировой политики (Барабанов 2000; Буданова 2013; Лебедева 2019), способные оказывать значительное влияние на мировую политику (Акимов 2016).

Акторный подход является методологической основой и данного исследования, поскольку позволяет выделить не только критерии, по которым регионы могут быть отнесены к негосударственным акторам мировой политики, но и обстоятельства, обуславливающие их выход на международную арену. При всём многообразии российских регионов наиболее интегрированными в процессы международного взаимодействия являются приграничные, активно взаимодействующие с сопредельными государствами, поскольку помимо обладания разнообразными ресурсами они также становятся точками, замыкающими на себе потоки зарубежных инвестиций и внешнеэкономических связей. По этой причине проанализировать акторность российских регионов и факторы их международной деятельности представляется целесообразным на примере целого ряда приграничных российских регионов.

Международному сотрудничеству регионов особое внимание традиционно уделяется в неолиберальной теории, согласно которой усиление их роли в принятии решений на национальном и глобальном уровнях не обязательно ведёт к ослаблению государства. Напротив, международная деятельность внутригосударственных регионов может вести к усилению кооперации государства с другими акторами мировой политики, его вовлечённости в сети транснациональных отношений, которые способствуют интегрированности государства в многосторонние институты и усилению его взаимозависимости с другими государствами (Keohane, Nye 1989). Это исследование исходит из неолиберальной трактовки международной деятельности регионов, а также опирается на концепцию «мягкой силы», согласно которой негосударственные акторы способны участвовать в формировании повестки дня, процессах глобального управления

и в том числе благодаря выстраиванию сети многостороннего сотрудничества способствовать позитивному восприятию страны в мире и росту её вовлеченности в мировые политические процессы (Нье 2011).

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы выявить факторы выхода регионов на международную арену и выяснить, как они влияют на внешнюю политику федерального центра. На основе анализа факторов выхода регионов и конкретных форм участия в международной деятельности делаются выводы о том, как они влияют на взаимодействие центра и периферии и какие возможности они дают для выстраивания двустороннего диалога России со странами, с которыми регионы активнее всего поддерживают контакты.

Гипотезой данного исследования выступает предположение, что международная деятельность регионов, осуществляемая в условиях централизации власти, выполняет «компенсирующую роль». Активизация международных связей регионов необходима в условиях, когда двусторонние отношения носят конфликтный характер. В этом случае культурные и религиозные связи регионов позволяют сохранить межгосударственные контакты. Регионы также выступают посредниками между центральными властями и властями других государств, поскольку они обладают ресурсами, которые способствуют посредством регионального сотрудничества межгосударственному диалогу и наращиванию «мягкой силы».

Исследование опиралось на *широкий круг работ* как российских, так и зарубежных авторов, посвящённых проблемам сотрудничества приграничных регионов. Большинство западных исследователей, занимающихся изучением международной деятельности регионов, отмечают растущую заинтересованность не только развитых, но и развивающихся стран в вовлечении своих регионов и крупных городов в глобальные экономические процессы, их интеграцию в многосторонние структуры, поскольку интеграция на местном уровне ведёт к вовлечению государства в общемировые процессы взаимозависимости и взаимосвязанности и, как следствие, активизации возможностей принимать участие в мировых политических процессах. Особенно интересным с этой точки зрения становится изучение феномена еврорегионов как институционально оформленной формы объединения регионов нескольких государств с самым разным уровнем социально-экономического развития с целью решения общих проблем. Такие западные исследователи, как Й. Фратчек-Мюллер, А. Милзрек-Зеймо (Frątczak-Müller, Mielczarek-Żejmo 2015), Дж. Скотт (Scott 2013), Б. Мирсей (Mircea 2010) и К. Сабау (Sabau 2012) особо акцентируют внимание на возможностях европейских стран через формат приграничного сотрудничества углублять процессы европейской интеграции, способствовать социально-экономическому росту менее развитых соседних стран и таким образом осуществлять превентивные меры кризисного регулирования. К их оценкам присоединяются Р. Лоуренс (Lawrence 2011), А. Ноферини (Noferini, Berzi, Camonita, Dura 2019) и Л. Суса (Sousa 2013), которые рассматривают выход регионов на международ-

ную арену как важную часть процессов демократизации и институционализации, помогающих улучшить взаимопонимание и через усиление межстранового взаимодействия избежать нарастания конфликтогенного потенциала.

Российские исследователи акцентируют внимание на проблемах и сложностях, сопряжённых с выходом регионов на международную арену ввиду тенденции к централизации российской вертикали власти и относительно небольшого опыта международной деятельности регионов в условиях нового правового регулирования, возникшего после распада СССР. Эти сложности связаны, прежде всего, с проблемами центробежных и центростремительных тенденций (Волкова 2015). В то же время при изучении вопросов международной деятельности российских регионов наибольшее количество исследований приходится на приграничное сотрудничество регионов, поскольку проблематика приграничных регионов для России как страны с колоссальным приграничным периметром имеет особое значение. Изучению проблем международных связей приграничных регионов посвящены работы таких авторов, как И.П. Глазырина, И.А. Забелина, Е.А. Клевакина (Глазырина, Забелина, Клевакина 2014), Е.И. Медеубаев (Медеубаев 2015), С.В. Степанова (Степанова 2017), Г.Ю. Субанакоев (Субанакоев 2017), Г.М. Федоров, М.А. Городков, И.И. Жуковский (Федоров, Гороков, Жуковский 2011). В отечественной науке складывается целое направление изучения приграничных территорий – «лимнология», которая изучает функционирование границ, а также политические, социально-экономические, военные и другие аспекты приграничного и трансграничного сотрудничества (Кузьмин 2009). При этом возможности регионов налаживать эффективные внешние связи рядом исследователей оцениваются достаточно скептически и целиком увязываются с географическим положением каждого отдельно взятого субъекта федерации, его ресурсным потенциалом и управленческими возможностями местных властей (Бусыгина, Филиппов 2013). Практически не исследуются возможности российских регионов через участие в многосторонних институтах продвигать внешнеполитическую повестку дня, наращивать «мягкую силу». Данное исследование частично компенсирует этот пробел, поскольку в нём анализируется участие российских регионов в таких институтах, как Конгресс местных и региональных властей Совета Европы, а также влияние культурных связей на наращивание межгосударственных связей.

Акторность российских внутригосударственных регионов и правовое регулирование их международной деятельности

Б. Рассетт и Х. Старр выделяют следующие критерии акторности негосударственных участников международного взаимодействия, которые делают субъект актором мировой политики, способным оказывать влияние на политику государств и других негосударственных акторов: наличие самоидентификации, собственные интересы, максимальная автономность, признание их значимости

другими акторами, влияние на мировую политику через формирование международных правил и норм, а также создание новых транснациональных акторов (Russett, Starr 1981).

Основным критерием акторности внутригосударственных регионов, который также является основным мотивом их выхода на международную арену, считается наличие собственной идентификации, которая отличается от общегосударственной. В этой связи Ю.Г. Акимов приводит пример канадской провинции Квебек и введения в научный оборот термина «идентификационная парадипломатия», используемого преимущественно во франкоязычной научной литературе, согласно которому наличие этнолингвистической миноритарной нации в субъекте определяет его самоидентификацию либо близкую другому государству, где это этнолингвистическое сообщество доминирует, либо свою, уникальную, отличную как от государства-базирования, так и какого-то ни было другого государства (Акимов 2016). Случай России примечателен, поскольку её территория состоит из 85 регионов, в которых проживает более 180 национальностей, говорящих на языках, принадлежащих 14 языковым семьям¹. С одной стороны, эти обстоятельства обуславливают многообразие возможностей российских регионов выходить на международную арену, что, с другой стороны, ставит перед федеральным центром задачу установления эффективного контроля за сохранением единства внешнеполитической линии России и международной деятельности регионов.

Если в западных (Fry 2009) и российских исследованиях пример канадской провинции приводится в связи с тем, что наличие конституционных возможностей служит дополнительным фактором для самостоятельных действий на международной арене, то российская действительность, обусловленная начальным периодом активного выхода российских регионов на внешнеполитическую арену, запомнившуюся как «парад суверенитетов», включает в себя серьёзные конституционные ограничения автономии регионов. Помимо Основного закона РФ, закрепляющего исключительную компетенцию федерального центра по вопросам внешней политики и международных отношений², контроль за выходом субъектов на международную арену прописан в целом ряде других документов, имеющих ключевое значение для общероссийской внешней политики. К ним относится, в первую очередь, закон от 4 января 1999 года №4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации», в котором особо подчёркивается, что «соглашения об осуществлении международных и внешнеэкономических связей, заключённые органами государственной власти субъекта Российской Федерации, независимо

¹ Национальный и этнический состав России. *РосИнфоСтат*. URL: <https://rosinfostat.ru/natsionalnyj-sostav/> (дата обращения: 06.02.2022)

² Конституция РФ 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. *Официальный интернет-портал правовой информации*. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.02.2022)

от формы, наименования и содержания не являются международными договорами»³.

В 1996 г. вышел указ Президента России «О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации», изменённый в 2011 г., который и стал основополагающим документом, регулирующим разделение полномочий между субъектами федерации и федеральным центром.

Анализ документов, регулирующих выход регионов на международную арену, показал, что все договорённости в сфере культурного сотрудничества, торговли, гуманитарного взаимодействия, заключённые между субъектами и другими государствами и регионами, поставлены под контроль МИД России, который является главным органом по отношению к любым другим органам в субъекте федерации, ответственным за ведение международных связей, и должны учитывать внешнеполитическую линию Центра.

В то же время внешние связи именно приграничных регионов стали регулироваться рядом дополнительных документов, где можно найти определённое обоснование заинтересованности центра в делегировании ограниченной автономности приграничным регионам в выстраивании международных связей. В 2001 г. была принята Концепция приграничного сотрудничества и в 2017-м – закон «Об основах приграничного сотрудничества РФ»⁴, согласно которым приграничное сотрудничество должно способствовать созданию обстановки доверия, взаимопонимания и добрососедства сопредельных государств, развивать и укреплять хозяйственные, культурные и гуманитарные связи между приграничными территориями Российской Федерации и сопредельными государствами, поддерживать соотечественников за рубежом, проживающих на приграничной территории зарубежных стран⁵. Эти задачи перекликаются с основными задачами внешней политики, указанными в Концепции внешней политики РФ от 2016 г. в той части, где говорится о необходимости способствовать формированию отношений добрососедства с сопредельными государствами, поиску новых форм дипломатии, усилению роли России в мировом гуманитарном пространстве, а также консолидации российской диаспоры за рубежом и продвижения её «мягкой силы»⁶.

³ ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации». *Консультант*. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=256332> (дата обращения: 06.02.2022)

⁴ ФЗ №179-ФЗ «Об основах приграничного сотрудничества». *Консультант*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220884/ (дата обращения: 06.02.2022)

⁵ Концепция приграничного сотрудничества в российской Федерации 2001 г. *Консультант плюс*. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=30364&fld=134&dst=100006,0&rnd=0.6881828570044919#09458139314494616> (дата обращения: 06.02.2022)

⁶ Концепция внешней политики РФ 2016 г. *Гарант*. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71452062/> (дата обращения: 06.02.2022)

Часть приграничных регионов России имеет свою самоидентификацию, отличную от общероссийской, что связано с этническим составом республик и доминирующей в них религии. Однако наличие собственной самоидентификации, прежде всего, ставит вопрос о наличии собственных интересов у регионов. Регионы, обладающие культурными особенностями, используют их, чтобы налаживать торгово-экономические связи с теми партнёрами, с которыми есть общие культурные корни, поскольку тем самым облегчается взаимопонимание и готовность реализовывать совместные проекты по улучшению социально-экономического положения региона. На 2019 г. из 85 регионов только 13 являлись не дотационными, и при этом наиболее дотационными регионами до сих пор остаются именно приграничные регионы⁷.

На международной арене местные власти воспринимаются как выразители интересов, в первую очередь, регионов. Признание регионов в качестве негосударственных участников даёт им возможности формировать правила и нормы через выстраивание сети отношений с негосударственными участниками, оказывающими влияние на формирование норм и правил в сфере местного самоуправления. Наиболее активными регионами России, в этой связи, являются участники еврорегионов, транснациональных объединений «Ассамблея еврорегионов», «Конгресс местных и региональных властей Совета Европы» (КМРВ), призванных содействовать усилению местной и региональной демократии, повышению эффективного управления на местах и обмену опытом между регионами. В рамках этих объединений российские регионы имеют возможность налаживать контакты не только с другими регионами, но и с бизнес-структурами, с представителями МНПО и культурными институтами других стран, с которыми имеются общие культурные традиции, с МПО, которые представляют интересы регионов по увеличению своей автономности.

Конгресс местных и региональных властей Совета Европы (КМРВ) как раз является структурой, которая имеет право давать рекомендации по нормативно-правовому регулированию местного самоуправления и оценивать состояние региональной демократии. Он действует на основе Европейской хартии местного самоуправления⁸, которая обязывает государства закрепить во внутреннем законодательстве и применять на практике совокупность юридических норм, гарантирующих политическую, административную и финансовую независимость муниципальных образований. Палаты КМРВ СЕ могут создавать небольшие специальные рабочие группы для изучения конкретных вопросов, касающихся, например, систем образования, жилищных условий, безработицы, проблем городов, развития аграрных районов и т. д.

⁷ Число российских регионов с дефицитом бюджета удвоилось. РБК. 12.02.2020. URL: <https://www.rbc.ru/economics/12/02/2020/5e4281299a79471b4769c391> (дата обращения: 06.02.2022)

⁸ Европейская хартия местного самоуправления ETS N 122 (Страсбург, 15 октября 1985 г.). Гарант. URL: <https://base.garant.ru/2540485/> (дата обращения: 06.02.2022)

Анализ документов, докладов и публикаций КМРВ показал, что политическая ситуация в России и уровень местной демократии в ней находятся в фокусе внимания организации. В 2010 г. Конгресс осудил практику отказа от выборов губернаторов⁹. С 2012 г. руководство России вновь вернуло прямые выборы губернаторов. Доклад КМРВ по России от 2019 г. констатирует невысокий уровень автономности регионов, однако отмечает, что Россия выполнила рекомендацию доклада 2010 г. о возвращении прямых выборов губернаторов и мэров¹⁰. Несмотря на традиционное противодействие делегатов Украины, Грузии, Польши, Великобритании, в докладе также отмечалось, что у Российской Федерации есть положительный опыт, который нужно принять во внимание многим странам. В нём указывался пример Ленинградской области, где был принят закон о местных формах самоуправления, о сельских старостах¹¹. На фоне того, как критикуется степень соблюдения прав человека в России в зарубежной прессе, доклад, принятый в Конгрессе, можно считать политическим успехом делегации российских представителей региональных органов власти, активно участвующих в дискуссии и разъясняющих зарубежным делегатам особенности российского местного самоуправления. При том что, участвуя в работе Конгресса через свои регионы, Россия получает возможность скорректировать западные оценки внутривнутриполитической ситуации в России, она также может использовать трибуну для выдвижения своей повестки дня и обсуждения вопросов, представляющих для неё интерес. Так, на одном из последних заседаний глава российской делегации – губернатор Ленинградской области А.Ю. Дрозденко поднимал такие темы, как сохранение и укрепление европейского природного и культурного наследия, соблюдение принципов демократии в период пандемии коронавирусной инфекции и мультилатерализм в современной системе международных отношений. На той же сессии делегация России инициировала обсуждение практики нарушения прав русскоговорящих на территории Украины и стран Балтии¹². На фоне того, что в целом отношения с 2014 г. у России и Совета Европы складываются сложно, поскольку было приостановлено членство российской делегации в ПАСЕ, в Конгрессе местных и региональных властей российская делегация пользуется авторитетом, а её инициативы получают одобрение и практическое воплощение. Вне зависимости от международной конъюнктуры, складывающейся вокруг России, представители российских регионов имеют право избирать и быть избранными в её руководящие органы.

⁹ Local and regional democracy in the Russian Federation. *The Congress of Local and Regional Authorities. 19th session.* 11.10.2010. URL: <https://rm.coe.int/1680718ea1> (accessed 06.02.2022)

¹⁰ Городецкая Н. 2018. Совет Европы проинспектирует российские регионы. *Коммерсантъ*. №202 от 02.11.2018, стр. 4. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3787650> (дата обращения: 06.02.2022)

¹¹ Congress Monitoring Committee examined the report on local and regional democracy in the Russian Federation. *Council of Europe portal*. 03.07.19. URL: <https://www.coe.int/en/web/congress/-/congress-monitoring-committee-examined-the-report-on-local-and-regional-democracy-in-the-russian-federation> (дата обращения: 06.02.2022)

¹² Дрозденко: сессия Конгресса местных властей СЕ была успешной для России. *РИА-новости*. 31.10.19. URL: <https://ria.ru/20191031/1560450689.html> (дата обращения: 06.02.2022)

Представители России в КМРВ неоднократно избирались руководителями комитетов организации и получали таким образом возможность обсуждать наиболее значимые с точки зрения внешнеполитической повестки России вопросы.

Таким образом, российские регионы через участие в транснациональных объединениях на пространстве Европы выполняют функции посредников в отношениях Россия – Совет Европы, Россия – ЕС, а в контексте дискурса об уровне демократии: Россия – страны Запада. Именно посредническая роль делает российские регионы акторами мировой политики и даёт им возможность оказывать влияние на внешнюю политику России, которая учитывает их как силу, которую необходимо принимать во внимание при выстраивании отношений с другими государственными и негосударственными акторами.

Для определения того, в каких форматах происходит международное сотрудничество, и как такое взаимодействие сказывается на общегосударственной политике, есть смысл привести конкретные кейсы международного сотрудничества регионов и рассмотреть их интересы к установлению отношений с зарубежными регионами.

Факторы выхода регионов на международную арену и их влияние на международные связи России

Зарубежный исследователь Л. Суса выделяет следующие направления международной деятельности внутригосударственных регионов и факторы их выхода на международную арену: экономические, политические, культурные, исторические и геополитические (Souza 2013). Учитывая этно-конфессиональное разнообразие России, протяжённость российской границы, эти факторы и цели целесообразно выделить следующие: геополитические, обеспечение безопасности, социально-экономические, этноконфессиональные, культурно-языковые.

Геополитические факторы выхода внутригосударственных регионов на международную арену

Географическое положение существенно влияет на характер и интенсивность международных связей. Приграничные регионы уже априори участвуют в международных связях, поскольку, как отмечает П.Я. Бакланов, имеют непосредственный выход к территории соседней страны, и любое государство, заинтересованное в выстраивании пояса добрососедских отношений с сопредельными государствами, будет оказывать на приграничный регион соседней страны своё влияние (Бакланов, Романов 2010).

Приграничные регионы часто расположены в исторических местах, которые ранее имели устойчивые связи с другим государством. Этот фактор обуславливает введение облегчённого режима пересечения границы между приграничными регионами соседних государств, который позволяет приграничному

населению выстраивать семейные отношения, отправлять культурно-религиозные обряды на значимых для этого исторических участках территорий, ранее входивших в состав соседнего государства, а также решать иные бытовые задачи. К регионам, имеющим давние исторические корни с сопредельными государствами, относятся приграничные территории России, расположенные близ Прибалтийских государств.

Важным геополитическим фактором выхода регионов на международную арену можно также считать их участие в европейских региональных международных организациях. Такие европейские организации, как Ассоциация европейских приграничных регионов и Ассамблея европейских регионов (АЕР) созданы в целях решения социально-экономических проблем европейских регионов и достижения их самостоятельности в выстраивании внешних связей, однако они также часто обсуждают политические вопросы, не связанные напрямую с местным самоуправлением. Так, обсуждались Чеченская война¹³, будущее Арктики и защита прав человека в России¹⁴ (Рустамова 2019). Отсутствие возможности выступить по данным вопросам с разъяснением российской позиции было бы для Центра дипломатическим упущением. Таким образом, приграничные регионы являются «дипломатическими агентами», представляющими российскую точку зрения в международных структурах.

Обеспечение безопасности

Будучи основной сферой компетенции федеральных органов власти, безопасность государственных границ, тем не менее, обеспечивается приграничными районами, особенно в части превентивных действий по недопущению распространения трансграничных угроз, связанных с терроризмом, экстремизмом, а также в части борьбы с чрезвычайными ситуациями. В последнее время весь периметр границы в Центральной Азии становится очагом распространения таких угроз. По этой причине на границе России стали активно действовать программы Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) – основной организации, которая борется с этими угрозами на постсоветском пространстве.

Особо значимо с точки зрения безопасности сотрудничество российских регионов, находящихся на границе с Казахстаном, которая является самой протяжённой в мире непрерывной сухопутной границей между государствами. Регионы на границе с Казахстаном: Оренбургская область, Саратовская область, Алтайский край и др., сотрудничают по вопросам борьбы с чрезвычайными ситуациями и стихийными бедствиями, происходящими в приграничье. Сотрудничество осуществляется региональными подразделениями министерств

¹³ Сайт Ассамблеи европейских регионов. URL: <https://aer.eu/chechnyan-crisis-aer-expresses-concern-confirms-wish-contribute-political-solution-respects-principles-regionalism/> (дата обращения: 06.02.2022)

¹⁴ Сайт Ассамблеи европейских регионов. URL: <https://aer.eu/chechnyan-crisis-aer-expresses-concern-confirms-wish-contribute-political-solution-respects-principles-regionalism/> (дата обращения: 06.02.2022)

по чрезвычайным ситуациям двух стран: департаментами по чрезвычайным ситуациям областей Казахстана и управлениями МЧС в российских регионах. Как показало изучение практики их взаимодействия, оно «...направлено на реализацию комплекса защитных мер в паводковый период, недопущение лесных и степных пожаров, ликвидацию аварий на промышленных объектах, а также последствий пусков космических ракет...» (Иванов, Жундубаева 2015).

Многие проблемы безопасности касаются приграничных регионов, которые граничат с прилегающими государствами по воде. Такие проблемы как природные чрезвычайные ситуации на море, являются сферами плодотворного сотрудничества российских регионов с государствами, с которыми у федерального центра отношения отягчены большим количеством противоречий. Так, Приморский край активно взаимодействует с властями Японии по поиску и спасению моряков с 2000 года (Казаков, Лысцев 2018). Представители регионов участвуют в совместных учениях по отработке задач поиска и спасения на море¹⁵. Все пограничные службы российских дальневосточных приграничных регионов и структуры ФСБ России активно взаимодействуют с аналогичными приграничными службами и органами безопасности Канады, Республики Корея, США и Японии по пресечению контрабанды наркотиков и оружия, незаконной миграции, пиратства и вооружённого грабежа судов.

Распространение коронавирусной инфекции также поставило перед региональными властями России задачи по эффективному контролю границы со странами с высоким уровнем заражения. Ряд исследователей отмечает, что пандемия поменяла характер отношений центр – регион, так как регионам были даны дополнительные полномочия по борьбе с распространением инфекции (Зуенко 2020). В частности, регионы могли самостоятельно определять строгость предпринимаемых карантинных мер, а также порядок взаимодействия с другими государствами по борьбе с распространением инфекции. Российские региональные власти стали активно взаимодействовать с регионами соседних стран по усиленному мониторингу и контролю за перемещением потенциальных заражённых через границу. В рамках этого взаимодействия своевременно закрывались пропускные пункты, приостанавливалась работа общественного транспорта. Приграничное сотрудничество в области совместной борьбы с пандемией COVID-19 по периметру российско-китайской границы оказалось одним из наиболее эффективных. При этом наличие побратимских связей и соглашений о взаимопомощи с регионами России облегчили обмен медицинскими препаратами и средствами защиты. Так, в апреле 2020 г. Китай передал Приморскому краю 50 тысяч медицинских масок¹⁶.

¹⁵ Степанов А. 2019. Спасти и обезвредить. *Российская газета*. 17.06.19. URL: <https://rg.ru/2019/06/17/reg-dfo/rossijskie-i-japonskie-korabli-proveli-ucheniia-v-zalive-petra-velikogo.html> (дата обращения: 06.02.2022)

¹⁶ Китай начал отправку масок в регионы Дальнего Востока в ответ на помощь России. *TACC*. 01.04.2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8130217> (дата обращения: 06.02.2022)

Социально-экономические факторы

Многие приграничные территории настолько далеко расположены от центра, что остаются в стороне от потоков финансов и инвестиций, циркулирующих внутри государства. Удалённость российских приграничных регионов от центра создаёт проблемы для развития торговых отношений с другими российскими субъектами федерации. Дополнительные усилия приходится прилагать, чтобы ввозить из российских центральных и иных более удалённых регионов ресурсы, которыми приграничный регион не обладает. В таких условиях поддержание экономической стабильности и социального обеспечения приграничных территорий возможно только при налаживании торговых отношений с регионами других стран.

Проблема самообеспечения регионов стала особенно актуальной сразу после распада СССР. В 90-е гг. на Дальнем Востоке сократились возможности сбыта продукции на внутреннем рынке. Следовательно, развитие сотрудничества с сопредельными территориями означало сохранение производственных цепочек. Такие регионы, как Забайкальский край, Приморский край стали зависимы от торговых связей с КНР и Японией, и эта проблема и по сей день остаётся актуальной. На 2018 г. в Приморском крае КНР занимала 48% от общего объёма внешнеторгового оборота, Республика Корея – 17%, Япония – 11%, и США – 1,5%¹⁷.

С другой стороны, расположенность некоторых регионов на пути международных сухопутных и морских маршрутов перевозки товаров делает их наиболее интегрированными в мировые экономические процессы. «Русский Север» на протяжении многих лет имеет обширные связи со Скандинавскими странами благодаря своему географическому положению. Взаимодействие идёт как на двусторонней, так и на многосторонней основе. На двусторонней основе строится партнёрство Архангельской области с Норвегией, в рамках которого планируется организация совместных туристических проектов, включая круизные маршруты, соединяющие Северную Норвегию, Соловецкие острова и Архангельск¹⁸.

Мурманская область, Ненецкий автономный округ, Республика Карелия, Республика Коми и Архангельская область входят в Баренцев Евро-Арктический регион (БЕАР), который был создан в 1993 г. совместно с регионами Норвегии, Швеции и Финляндии в целях обеспечения устойчивого развития региона, защиты хрупкой экологии Арктики и реализации проектов, направленных на улучшение положения коренного населения Севера¹⁹.

¹⁷ О социально-экономическом положении и инвестиционной привлекательности Приморского края. *Официальный сайт МИД России*. URL: http://www.mid.ru/ru/vnesneekonomiceskie-svazi-sub-ektov-rossijskoj-federacii/-/asset_publisher/ykggrK2nCl8c/content/id/3733060 (дата обращения: 06.02.2022)

¹⁸ Архангельская область и Норвегия планируют развивать круизные туры. *РИА-новости*. 24.10.2014. URL: <https://ria.ru/20141024/1029958463.html> (дата обращения: 06.02.2022)

¹⁹ *Декларация о сотрудничестве в Баренцевом/Евро-Арктическом регионе, 1993 г.* URL: https://narfu.ru/upload/media-library/abb/deklaratsiya-o-sotrudnichestve-_bear_.pdf (дата обращения: 06.02.2022)

Северные регионы Европейской части России также входят в программу приграничного сотрудничества «Европейский инструмент соседства и партнёрства – Коларктик», нацеленную, как отметили исследователи Е.В. Кудряшова и Л.А. Зарубина, «... на преодоление периферийности северных районов Финляндии, Норвегии, Швеции и России, сближение проживающих на приграничных территориях людей и создание максимально возможных условий для социально-экономического развития Баренцева/Евро-Арктического региона» (Кудряшова, Зарубина 2018). В рамках этой программы за 2007-2013 гг. в российских регионах были реализованы проекты по улучшению инфраструктуры, поддержки малого и среднего бизнеса, формирования регионального самосознания. В частности, Е.В. Кудряшова и Л.А. Зарубина отметили, что с помощью финансирования программы «Коларктик» «...удалось реконструировать автомобильный пограничный пункт пропуска Борисоглебск в Мурманской области, автомагистраль, соединяющую Кандалакшу и Алакуртти с пограничным переходом Салла, осуществить перевод системы энергоснабжения от углеводородного топлива к местным альтернативным источникам электроэнергии» (Зарубина, Кудряшова 2019). Программа была продлена и на 2014-2020 гг. с общим финансированием € 63 436 180, из которых € 24 718 090 составили средства ЕС, а остальная часть пришлась на национальное финансирование²⁰. Особую заинтересованность России в участии северных регионов в этих проектах доказывает тот факт, что с 2006 г. было принято решение вносить на реализацию совместных с зарубежными партнёрами проектов приграничного сотрудничества средства из федерального бюджета²¹.

Другие российские регионы, находящиеся на границе со странами ЕС, также входят в еврорегионы для решения задач по углублению интеграции через сотрудничество на местном уровне. Наиболее включённым регионом России в этом смысле выступает Калининградская область, входящая сразу в четыре еврорегиона: «Сауле» (с 1999 г. объединяет регионы России, Швеции, Латвии и Литвы), «Неман» (с 2002 г. объединяет регионы Беларуси, Польши, Литвы и России), «Лына-Лава» (с 2003 г.), «Шешупе» (с 2004 г.). Другие регионы России (Республика Карелия и Псковская область) стали участниками еврорегионов «Карелия» (совместно с Финляндией) и «Псков – Ливония» (совместно с Литвой и Эстонией). Создание еврорегионов ставило своей целью повышение уровня жизни людей, проживающих на территории еврорегиона; выравнивание социально-экономического развития территорий; искоренение исторических предрассудков, реализацию инфраструктурных проектов, направленных на развитие приграничных территорий стран-участников еврорегионов (Рустамова 2019). На данный момент, еврорегионы с участием российских субъектов

²⁰ ППС Коларктик 2014-2020. URL: <https://kolarctic.info/ru/kolarctic-2014-2020-ru-2/> (дата обращения: 06.02.2022)

²¹ Начинает действовать соглашение с ЕС о реализации программы приграничного сотрудничества «Коларктик». РБК. 13.08.2010. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/freenews/55929f479a794719538c7e26 (дата обращения: 06.02.2022)

федерации функционируют уже более 20 лет, однако наиболее значимые инфраструктурные проекты реализуются на территории стран ЕС, а не с участием России, а такие еврорегионы, как «Шешупе», «Лына-Лава», «Сауле» не работают вовсе (Одинцова 2015). Эффективно работающим еврорегионом с участием России признан только один: «Карелия», при этом в 2003 г. он был признан лучшим еврорегионом среди всех европейских (Верхоланцева 2009). Наиболее продуктивный в социально-экономическом плане период функционирования еврорегиона приходится на 2000-2012 гг., когда в рамках программ ЕС на территории еврорегиона «Карелия» был профинансирован 501 проект на общую сумму 132 миллиона евро²².

Российские регионы, находящиеся на границе с центральноазиатскими странами и Китаем и не имеющие подобных программ развития, сталкиваются с сильным оттоком коренного населения в глубь страны. Их восполнение происходит за счёт притока населения из бывших советских республик с более низким уровнем экономического развития и из КНР. В условиях нехватки трудовых ресурсов фронтальерство, т.е. трудовая миграция из приграничных регионов соседних стран, становится ещё одной сферой международного сотрудничества приграничных регионов России с этими государствами. В приграничные регионы Сибири и Дальнего Востока приезжают мигранты из Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Армении, Украины и Азербайджана, которые активно задействуются в строительстве, сфере услуг и торговле. Период ограничений, связанных с пандемией COVID-19, продемонстрировал существенную зависимость этих регионов от трудовых мигрантов. В связи с этими обстоятельствами федеральные власти пошли на увеличение полномочий регионов по регулированию миграционной ситуации. Регионам, в частности, было предоставлено право устанавливать лимиты на выдачу патентов на своей территории в зависимости от различных социально-экономических показателей или, наоборот, ослаблять ограничения в зависимости от потребности рынка труда²³. Ряд регионов (Приморский край, Амурская область, Хабаровский край), несмотря на продолжающуюся пандемию, уже запустили переговорный процесс о восстановлении допуска трудовых мигрантов строительных специальностей

Этноконфессиональная и культурно-языковая основа международных связей российских регионов

Этническая, культурная и религиозная близость обуславливает общность быта, которая, в свою очередь, приводит к тому, что в сфере производства пре-
валируют одни и те же товары, есть востребованность у населения к поддер-

²² Официальный сайт еврорегиона «Карелия». URL: <http://www.euregiokarelia.com/ru/toiminta> (дата обращения: 06.02.2022)

²³ Гусенко М. 2020. Работа для своих. *Российская газета*. URL: <https://rg.ru/2020/02/03/regionam-dobaviat-polnomochij-dlia-regulirovaniia-trudovoj-migracii.html> (дата обращения: 06.02.2022)

жанию культурного сотрудничества, есть точки соприкосновения по всему спектру взаимоотношений государств вплоть до позитивной оценки внешнеполитической деятельности соседей. Наиболее наглядным примером того, как религия и общность этноса влияет на менталитет народов, служит тюркский фактор внешних связей Республики Татарстан. Не находясь на границе с Турцией, будучи в окружении внутригосударственных регионов либо с другим титульным этносом (Республикой Марий Эл, Удмуртской Республикой и Чувашской Республикой), либо моноэтничных регионов с большинством русскоязычного населения (Кировской, Ульяновской, Самарской и Оренбургской областями), регион в то же время проявляет сильную заинтересованность в развитии связей с Турцией.

Примером приграничного сотрудничества российских регионов, основанного на общности религии, выступают международные связи республик Бурятия, Калмыкия и Тыва, близких в культурном отношении к Монголии. Единство монголо-ламаистской культуры основывается на сходстве тувинского и бурятского языков с монгольским, а также на кочевом образе жизни народов, проживающих на территории трёх российских регионов. Кочевнический образ жизни определяет основу экономического развития – животноводство. Его продукция выступает основной статьёй экспорта Монголии в Бурятию и Тыву. Но самую прочную основу для сотрудничества составляет тибетский буддизм, который наложил отпечаток на народные обряды, календарные праздники, народную медицину Бурятии, Тывы и Калмыкии. На данный момент они являются очагами проникновения буддизма из Монголии в Россию. На территории регионов основываются буддистские организации, тесно сотрудничающие с подобными организациями в Монголии. Между Россией и Монголией набирает обороты религиозный туризм, поскольку тувинские и бурятские буддисты совершают паломничество к религиозным местам в Монголию. С политической точки зрения развитие религиозного сотрудничества именно с Монголией, с которой у России исторически сложились тесные отношения, более предпочтительно, поскольку Монголия не использует религию в качестве дополнительного инструмента экономической экспансии или наращивания своего политического влияния. Важно и то, что российские ламы и центры буддизма в России стали пользоваться авторитетом в Монголии. Религиозный туризм осуществляется на двухсторонней основе. В 2008–2014 гг. более 160 тысяч монгольских паломников совершили поездки в Бурятию для молитвы Итгэлту Хамбу (Мунхбат 2018).

Религиозная близость играет не последнюю роль в заинтересованности Саудовской Аравии (СА) и Объединённых Арабских Эмиратов (ОАЭ) развивать экономические отношения с кавказскими регионами России. В Чечне и Дагестане арабские страны заинтересованы в инвестировании в гостиничный бизнес, образовательные учреждения, поскольку близость традиций и ценностных ориентиров облегчают взаимопонимание и возможности ведения бизнеса.

Использование религиозного фактора во внешней политике получило название «дипломатии паломничества» и стало отдельным направлением наращивания «мягкой силы». Сегодня в ней активно участвуют именно Северо-Кавказские регионы России, среди которых особенно выделяется Чеченская республика, власти которой укрепляют внешние конфессиональные связи с арабскими государствами по двум направлениям. Первое – это участие представителей региона в Организации Исламского сотрудничества (ОИС), призванной консолидировать мусульманский мир в вопросах социального, экономического и политического сотрудничества, а также оказывать поддержку Палестинской автономии. В 2009 г. представитель ОИС провёл переговоры с главой региона Р.А. Кадыровым по вопросу поддержки странами-участницами ОИК развития социальных проектов в Чечне. Второе направление – это личные встречи главы Чеченской республики с главами стран Ближнего Востока. Эти встречи нацелены, прежде всего, на поиск инвестиций, но они имеют и большое политическое значение в контексте налаживания отношений России с монархиями Персидского залива. Ещё в 2004 г. первый глава Чечни стал активно выстраивать диалог с Саудовской Аравией и ОАЭ, используя в этих целях дипломатию паломничества. В 2010 г. Рамзан Кадыров стал первым иностранным лидером и российским мусульманином, который дважды принял участие в церемонии омовения Каабы в Мекке. Впоследствии он побывал при многих королевских дворах Ближнего Востока. Во время визитов он встречался с королём Саудовской Аравии Абдаллой ибн Абдель Азизом, королём Иордании Абдаллой II, с палестинским лидером Махмудом Аббасом и десятками других фигур ближневосточной политики (Эмиров 2014).

В ноябре 2013 г. Р. А. Кадыров совершил турне по ОАЭ, Иордании, Бахрейну и СА для того, чтобы привлечь финансирование на новые инвестиционные проекты²⁴. Такие проекты, как Международный университет в Чечне и строительство Ахмат-тауэр, были запущены при помощи иностранных инвестиций²⁵.

Северный Кавказ становится неотъемлемой частью российской ближневосточной политики, и многие инициативы Москвы в регионе базируются на тех вызовах, с которыми она имеет дело в своих собственных регионах, где укрепление стабильности продолжается²⁶. В этом смысле внешние связи Чечни помогают наладить контакты с ближневосточными государствами. Признанием важности контактов руководства региона со странами Ближнего Востока можно назвать тот факт, что глава Чеченской Республики часто присутствует на международных переговорах главы России с представителями ОАЭ и СА.

²⁴ Suchkov M. 2014. Chechnya's silent diplomacy in the Middle East. *Al-Monitor*. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2014/01/chechnya-mideast-diplomacy-muslim-outreach-ramzan-kadyrov.html> (accessed 06.02.2022)

²⁵ Гальмурзаев Р. 2015. Арабские инвестиции в чеченские проекты. *Вести республики*. 02.06. URL: <http://vesti95.ru/2015/06/arabskie-investitsii-v-chechenskie-proe/> (дата обращения: 06.02.2022)

²⁶ Al Monitor: Россия использует Чечню как дверь на Ближний Восток. *ИноТВ*. 17.12.2014. URL: <https://russian.rt.com/intotv/2014-01-17/Al-Monitor-Rossiya-ispolzuet-CHechnyu> (дата обращения: 06.02.2022)

С недавнего времени власти республики также используют религиозный фактор для наращивания «мягкой силы» России и продвижения её привлекательного образа многоконфессиональной страны, в которой представители ислама и других конфессий играют равную роль в жизни страны. Для этих целей в Чеченскую республику были приглашены теологи из арабских стран, перевезены мусульманские реликвии²⁷, а также предприняты шаги по установлению контакта с чеченской диаспорой за рубежом.

Другим примером приграничного региона, строящего сотрудничество на основе культурной и языковой близости, можно считать Республику Карелия, расположенную на границе с Финляндией. Хотя доля финнов в населении Республики Карелия составляет 1,4%²⁸, финский язык распространён в этом регионе, а республика имеет сильную культурную близость с Финляндией. По мнению исследователя внешних связей регионов России А.В. Кузнецова, общность культуры Финляндии и Карелии основывается на национальном эпосе «Калевала» (Кузнецов 2004). Именно наличие на территории Республики Карелия исторических деревень и отдельных строений, несущих отпечаток финского происхождения, обуславливает интерес к развитию туризма Финляндии с Карелией.

Проблемы международной деятельности регионов и их влияние на политику федерального центра

Протяжённость российской границы обуславливает приграничное положение с самыми разными по экономическому развитию государствами. На юге Россия соседствует с бывшими советскими республиками Центральной Азии с более низким уровнем жизни, чем в российских приграничных регионах. На Западе – с европейскими странами, и более низкий уровень социально-экономического развития в приграничных российских регионах обуславливает тот факт, что миграция здесь имеет характер выезда с территории РФ в более экономически развитые регионы стран ЕС. Для России отток коренного населения осложняет контроль за этими территориями, приводит к нехватке рабочих рук и высококвалифицированных кадров, что ещё сильнее затрудняет возможности социально-экономического развития регионов. Часть исследователей отмечает, что эта проблема создаёт благоприятную почву для разнообразных идеологических и социокультурных влияний и манипуляций, а также приводит к асимметрии приграничных отношений (Вендина, Гриценко 2017).

Разный тип приграничной территории определяет разный уровень включённости регионов в международные связи и их влияния на международную

²⁷ Уцаев Т. 2013. Исламские реликвии в Грозном. Вестник Кавказа. 25.01.2013. URL: <https://vestikavkaza.ru/articles/Islamskie-relikvii-v-Groznom-.html> (дата обращения: 06.02.22)

²⁸ Республика Карелия. Национальный состав. RTVI. URL: <https://rtvi.com/wiki/regions/respublika-kareliya/> (дата обращения: 06.02.2022)

обстановку вокруг России. Рассмотрим эти различия на примере приграничных регионов, сгруппированных в зависимости от территориальной близости к зарубежным странам.

Регионы на границе с европейскими странами

Приграничные регионы, расположенные на границе со странами ЕС, активно участвуя в европейских социально-экономических проектах, становятся объектами влияния «мягкой силы» Европейского союза, которая нацелена на выработку единого регионального самосознания, что имеет потенциал негативного влияния на территориальное единство России. Так, в рамках проектов еврорегионов с участием Калининградской области помимо инфраструктурных проектов реализуется большое количество программ «мягкой силы», нацеленных на молодёжь и выработку у них европейского сознания. Калининградская область является эксклавом, и культурная отдалённость от России становится проблемой, поскольку до 1946 г. она не входила в её территорию. Последствием большей открытости Калининградской области к сотрудничеству в рамках проектов еврорегионов с Польшей и Литвой стало усиление их политики по формированию европейской идентичности в Калининграде. Польша через польское экспертное сообщество и общественных деятелей не раз проводила мысль о большей близости Калининграда Европе, а не России. Подобную мысль содержит в себе, например, концепция «Калининградского треугольника», в котором Калининградская область представлена как несущая конструкция Средней Европы. При этом своё влияние в российском регионе Польша проводит и через католическую общину, поскольку именно в этом регионе России сконцентрировано наибольшее количество католиков (Рустамова 2019).

Привлекательность европейской «мягкой силы» проявляется и в Карелии, участвующей в одноимённом еврорегионе, в котором также реализуются программы по созданию общего культурного пространства. Негативным последствием для России можно назвать тот факт, что на фоне более низкого уровня социального развития республики по сравнению с регионами Финляндии стали возникать отдельные призывы об отделении Карелии, поскольку «власти не могут создать нормальные условия для существования»²⁹.

Ответом федерального центра стало принятие целого ряда законов, имеющих непосредственное влияние на двустороннее сотрудничество приграничных российских регионов. Так, законы об иностранных агентах резко ограничили возможности зарубежных организаций финансировать российские региональные СМИ и неправительственные организации, которые участвуют в региональных проектах по сохранению культурной и языковой идентичности. Принятие за-

²⁹ Крамских А. 2010. Карелию призвали в Финляндию. *Коммерсантъ*. №15. 29.01.10. Стр. 4. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1312218> (дата обращения 06.02.2002)

кона инициировало и существенное осложнение российско-европейской дискуссии по вопросам развития демократии, в том числе и на местном уровне.

Регионы на границе с Китаем

Преимущество взаимодействия российских регионов с китайскими заключается в том, что оно не обусловлено идеологическим воздействием. Китайские регионы нацелены на двустороннее торговое и экономическое сотрудничество, которое региональные власти активно поддерживают, надеясь создать дополнительные рабочие места и улучшить социально-экономическое положение. Российские регионы, в особенности Приморский край, активно развивают проекты привлечения китайских туристов, культурного обмена и наращивания торговли. С выдвижением инициативы привлечения России в китайской проект «Один пояс – один путь» представители региональных властей Дальнего Востока и бизнес-кругов активно выступали за его реализацию и своё участие в нём. В рамках проекта планировалось задействовать для перевозки китайских товаров в Европу порты Владивостока и Транссибирскую магистраль. Но при этом появились опасения, что участие в проекте поставит регионы в большую зависимость от Китая, который является их основным торговым партнёром. Основная проблема состоит в том, что если дальневосточные регионы станут территорией перевозки китайских грузов, то они не получают от этого существенной выгоды, поскольку процесс перевозки – это самая дешёвая часть проекта, в то время как гораздо более рентабельно участие в логистике. Хранение, переупаковка и перекладка грузов стоят намного больше, чем сама перевозка³⁰. Именно строительство логистических центров на российской территории Китай пока не заявил в качестве основного этапа проекта. На данный момент логистические центры созданы в Новосибирске, но строительство подобных центров в других регионах и городах остаётся пока предметом дискуссии. С июля 2020 г. федеральные власти резко снизили уровень переговорного процесса с китайскими властями по поводу участия России и её регионов в проекте «Один пояс – один путь», несмотря на сохраняющуюся заинтересованность местных властей, что российские эксперты увязали именно с низкой рентабельностью китайского проекта для России³¹.

Для Дальнего Востока проект переустройства Транссибирской магистрали в качестве необходимого этапа интеграции в китайский проект может обернуться серьёзными экологическими издержками, которыми в последние годы сопровождается экономическая деятельность Китая в российских регионах. Богатые древесиной Иркутская, Томская области и Красноярский край страдают

³⁰ Приморские коридоры до «Шелкового пути» доведут. *ДВ-ТВ*. 20.12.2017. URL: https://dvkapital.ru/specialfeatures/primorskij-kraj_20.12.2017_11363_primorskie-koridory-do-shelkovogo-puti-dovedut.html (дата обращения: 06.02.2022)

³¹ Лесных А. 2020. Не стой на рельсах: Россия отдаляется от «Шелкового пути». *Российская газета*. 21.07.2020. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2020/07/21/13161061.shtml> (дата обращения: 06.02.2022)

от неконтролируемых вырубок леса. Ещё в 1999 г. Китай ввёл нулевую импортную пошлину на круглый лес и пиломатериалы, и приграничные регионы Китая целиком стали специализироваться на обработке древесины (Колесникова, Брезгин 2012). Китай стал использовать «древесную специализацию» Дальнего Востока для решения проблем безработицы в своих приграничных районах. Усиление темпов вырубки леса, начавшееся после 2014 г. вследствие предоставления китайцам права на выкуп участков леса, начинает оборачиваться экологической катастрофой³². Неконтролируемая вырубка лесов ведёт, в частности, к осушению озёр, высыханию болот и опустыниванию. За последнее десятилетие активное привлечение региональными структурами внимания федерального центра к проблемам экологических последствий китайского присутствия на Дальнем Востоке привело к тому, что дискурс экологии постепенно начинает входить в повестку российско-китайских двухсторонних отношений, что существенным образом снизило привлекательность внешнеполитической повестки «разворота на Восток» для внутренней аудитории в России.

Регионы на границе с постсоветскими странами

С учётом того, что постсоветское пространство остаётся приоритетным направлением внешней политики России, приграничное сотрудничество российских регионов с бывшими советскими республиками имеет для федерального центра большое значение. Проекты сотрудничества регионов по привлечению трудовых мигрантов, сохранению культурных связей приветствуются в рамках политики по сохранению дружеских отношений с бывшими советскими республиками. Однако исследователи указывают и на негативные последствия увеличивающейся трудовой миграции. В приграничных регионах ЦФО сформированы крупные этнические общины мигрантов из Армении, Азербайджана, Афганистана, Вьетнама, Грузии, Китая, Таджикистана, Узбекистана и других стран (Шипицина 2015). Некоторые диаспоры достаточно закрыты, проживают компактно и не интегрируются в российский социум, в то же время сохраняя устойчивые связи со странами исхода. Разбалансировка этнокультурного равновесия особенно опасна для приграничных регионов и грозит издержками, в том числе и для внешней политики России. Ей приходится учитывать наличие внутри российского общества крупных диаспор при выстраивании двусторонних контактов со странами их происхождения, а также учитывать их позиции в отношении международных и межгосударственных конфликтов, в которых они участвуют. К такого рода конфликтам относится, например, конфликт между Арменией и Азербайджаном, пограничные и водные конфликты между Киргизией, Таджикистаном и Узбекистаном.

³² Названо количество уходящего в Китай российского леса. *Лента*. 21.10.2020. URL: <https://lenta.ru/news/2020/10/21/forest/> (дата обращения: 06.02.2022)

Приграничное сотрудничество российских регионов с белорусскими и украинскими регионами имеет большое значение как для самих регионов, так и для федерального центра. Вместе с тем оно подвергается влиянию политической конъюнктуры и уровня межгосударственных отношений. Так, до событий на Украине в 2014 г. российские и украинские приграничные территории тесно сотрудничали друг с другом и имели облегчённый режим пресечения границ³³. После присоединения Крыма в 2014 г., по мнению ряда специалистов, ситуация на российско-украинской границе стала напоминать положение на некоторых границах между странами бывшей Югославии (Заяц, Зотова, Туров, Ключников 2017). Но, несмотря на полное прекращение авиасообщения, существенную затруднённость автомобильного сообщения, приостановку комплекса всех межгосударственных соглашений и соглашений приграничных регионов по сотрудничеству, осталось несколько направлений, по которым сотрудничество пока прекратить невозможно ввиду давних торговых отношений регионов обоих государств. На 2019 г. Украина осталась основным торговым партнёром Воронежской области (13% от общего товарооборота)³⁴. За два десятилетия независимого друг от друга существования Россия и Украина тесно сотрудничали не только между собой, но и в рамках международных структур, нацеленных на продвижение приграничного диалога. С 1994 г. Россия участвовала в программе технического содействия ЕС странам СНГ ТАСИС, через которую получила финансирование проектов по улучшению экологической ситуации на приграничных территориях. Один из таких проектов «Мониторинг и оценка качества вод трансграничных рек – бассейн р. Северский Донец» потребовал продолжения сотрудничества Белгородской и Харьковской областей и после событий 2014 г. (Зотова, Колосов 2018). В 1999 г. Россия подписала Европейскую рамочную конвенцию по трансграничному сотрудничеству³⁵, взяв на себя обязательства развивать и поощрять приграничное сотрудничество с сопредельными государствами, что дало толчок к участию российских приграничных регионов в трансграничных объединениях (еврорегионах) с европейскими государствами и бывшими постсоветскими республиками.

В 2003 г. по инициативе Харьковской и Белгородской областей был образован еврорегион «Слобожанщина». Позже с украинскими регионами были подписаны соглашения о создании ещё двух еврорегионов: «Ярославна» (2007) и «Донбасс» (2010), в рамках которых планировались проекты по выстраиванию

³³ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Кабинетом Министров Украины о порядке пересечения российско-украинской государственной границы жителями приграничных регионов Российской Федерации и Украины. *Гарант*. URL: <https://base.garant.ru/70117566/> (дата обращения: 06.02.2022)

³⁴ Общие итоги внешней торговли Воронежской области за 2019 год. URL: <https://econom.govvrn.ru/content/image-doc/files/%D0%92%D0%AD%D0%94-2019%D0%20-%D0%20%D1%81%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B0.pdf> (дата обращения: 06.02.2022)

³⁵ Европейская рамочная конвенция по трансграничному сотрудничеству. *Гарант*. URL: <https://base.garant.ru/2560784/> (дата обращения: 06.02.2022)

транспортной инфраструктуры для облегчения пересечения границ двух государств и начался процесс строительства совместных предприятий³⁶. Однако с началом событий евромайдана пророссийская ориентированность украинских приграничных регионов вылилась в конфликт центра и периферии, в результате которого украинские власти приняли новую программу трансграничного сотрудничества до 2020 г.³⁷, исключавшую развитие всех приграничных регионов с Россией. Еврорегионы с участием украинских областей перестали работать. Однако все российско-украинские еврорегионы остались участниками международных структур: «Ассамблеи европейских регионов», «Ассоциации европейских приграничных регионов», а «Ярославна» по-прежнему состоит в Конгрессе местных и региональных властей Совета Европы. Российские регионы продолжают оплачивать членские взносы в эти организации, несмотря на отсутствие практических результатов от того членства для самих приграничных регионов России и Украины, поскольку эти институциональные объединения остаются для России важными дипломатическими площадками, позволяющими не только реализовывать интересы российских регионов, связанные с налаживанием сотрудничества с другими европейскими регионами, «... облегчением возможности установления двусторонних контактов с представителями европейского бизнеса по вопросам реализации инвестиционных проектов», но и представлять российскую точку зрения по вопросам мировой политической повестки дня, а также поддерживать контакты с органами ЕС через своих региональных представителей в этих структурах (Рустамова 2019).

* * *

Международные связи российских приграничных регионов настолько многообразны, что в рамках одной исследовательской статьи рассмотреть все их направления взаимодействия не представляется возможным. Новизна представленного исследования стоит в систематизации факторов выхода российских регионов на международную арену и определении влияния регионов на внешнюю политику России. На основе анализа отдельных кейсов взаимодействия регионов по причинам культурной близости и общности социально-экономических проблем автор приходит к выводу, что международная деятельность регионов способствует международной интеграции России и реализации её внешнеполитического курса следующим образом.

Во-первых, российские регионы обладают ресурсным и человеческим потенциалом, что делает их привлекательными для иностранных инвесторов. Если

³⁶ Сухарева О. 2016. Трансграничное сотрудничество Украины с РФ: ломать – не строить. *Путь Евразии*. 03.09.16. URL: <https://www.ritm Eurasia.org/news--2016-09-03--transgranichnoe-sotrudnichestvo-ukrainy-s-rf-lomat-ne-stroit-25550> (дата обращения: 06.02.2022)

³⁷ Постановление Кабинета Министров Украины от 23 августа 2016 года № 554 «Об утверждении Государственной программы развития трансграничного сотрудничества на 2016–2020 годы». *Континент*. URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=37424684#pos=15;53 (дата обращения: 06.02.2022)

крупные инвестиционные проекты реализуются через федеральный центр, то множество более мелких, но не менее важных для экономики регионов и общероссийского бюджета, воплощается по инициативе и на основе творческого подхода местных органов власти. К ним относятся, например, разработка туристических маршрутов и строительство совместных предприятий регионами «Русского Севера» и Скандинавскими странами. Несмотря на наличие противоречий по разделу Арктики, наращивание торгово-экономических и культурных связей регионов помогает находить точки соприкосновения и по более широкому кругу вопросов. Одним из таких механизмов налаживания сотрудничества становится программа «Коларктик».

Во-вторых, проблемы экологии и безопасности всё больше становятся зоной ответственности региональных властей, которые проводят их оценку и мониторинг. От того, как к ней региональные власти подходят, зависит влияние этих проблем и на дискурс межгосударственных отношений. На фоне напряжённости отношений со странами Запада Россия обратилась к давней традиции «разворота на Восток». Приграничные территории России, находящиеся в непосредственной близости от Китая, испытывают на себе высокую степень зависимости от поддержания торгово-экономических отношений с этой страной. Однако на примере такой зависимости можно сделать некоторые выводы о возможных издержках политики «разворота».

В-третьих, членство российских регионов в международных организациях по продвижению региональной демократии и других транснациональных организациях даёт России возможность принять участие в формировании международных норм и стандартов международной деятельности регионов и одновременно создаёт возможность для диалога с другими государствами-членами этих организаций. Через представителей российских регионов Россия получает возможность давать разъяснения по вопросам своего внешнеполитического курса, налаживать контакты с представителями политической элиты зарубежных стран, а также участвовать в вопросах глобального управления, которые входят в повестку дня таких международных структур.

В-четвёртых, российские регионы имеют ресурсы для культурного и этноконфессионального сотрудничества с зарубежными странами, что даёт им возможность участвовать в наращивании «мягкой силы» России. Их связи со странами, с которыми у России сейчас не выстраиваются отношения стратегического партнёрства, выполняют «компенсирующую» функцию. Без сотрудничества по вопросам ликвидации ЧС и транспортного сообщения невозможно осуществлять эффективное управление территорией органами местного самоуправления. Руководствуясь именно такими соображениями, представители ЕС не раз подчёркивали, что сворачивание отношений с Россией не касается программ приграничного сотрудничества.

Активизация международной деятельности регионов также ставит сложные задачи перед государством. Крупномасштабное торгово-экономическое со-

трудничество ряда наиболее ресурсно-обеспеченных регионов с зарубежными странами ведёт к дисбалансу социально-экономического развития России и к формированию региональных интересов, которые потенциально могут выходить за рамки общефедеральных интересов, что создаёт угрозу возникновения конфликта между центром и периферией. Те проекты регионального сотрудничества в торгово-экономической сфере, которые активно поощряет сам центр, также оборачиваются издержками для самих регионов. К ним относятся экологические проблемы Дальнего Востока.

Однако издержки вовлечения в международную деятельность регионов регулируются не за счёт отказа от их внешних связей, а за счёт гибкого реагирования посредством нормативно-правовых актов. Наиболее ярко эта тенденция проявила себя во время пандемии коронавируса, когда федеральный центр предоставил регионам больше полномочий по принятию и отмене мер борьбы с распространением инфекции, а также по регулированию приёма трудовых мигрантов.

В то же время нельзя оценивать внешние связи российских приграничных регионов исключительно как инструмент, который позволяет центральным властям проводить более эффективную внешнюю политику. Вызовы и угрозы трансграничного характера вынуждают государства согласовывать механизмы борьбы с ними именно с регионами, учитывать характер и объём их внешних связей, что даёт самим регионам механизмы влияния на выработку внешнеполитических установок. В силу того, что российские приграничные регионы существенно географически удалены от центра, эффективное решение их социально-экономических проблем подчас возможно только при налаживании партнёрских отношений с сопредельными государствами, и это накладывает обязательства на федеральный центр по встраиванию связей регионов с зарубежными партнёрами в общероссийскую внешнюю политику.

Об авторе:

Лейли Рустамовна Рустамова – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России; старший научный сотрудник Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России. E-mail: leili-rustamova@yandex.ru

Благодарности:

Статья подготовлена в рамках гранта МГИМО МИД России на выполнение научных работ молодыми исследователями КМУ-IX

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 327.3

Received: January 20, 2021

Accepted: December 15, 2021

External Relations of the Russian Border Regions

L.R. Rustamova

[DOI 10.24833/2071-8160-2022-1-82-177-206](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-1-82-177-206)

MGIMO University

Abstract: Despite de-globalization, which has become a trend in recent years, a high degree of interdependence between countries remains in the world, and the solution of global problems through international cooperation of subnational units is in demand. Intrastate regions affect interstate relations by strengthening their cultural, trade, and economic ties, often contributing to the intensification of interstate dialogue. The article looks for the primary factors and features of international activity of Russia's border regions as territories located near foreign states and which have the most significant number of "points of contact." It also tries to assess their impact on Russia's foreign policy. The study shows that Russian regions have recently gained some independence in their external relations and managed to acquire all the features of influential non-state actors, according to the theory of actor-ness by Russett and Star. They have become integrated into a wide variety of international structures, where they can implement joint infrastructure projects with foreign regions and develop local self-government. Russian border regions become active on the international stage when they have common socio-economic and security problems, ethno-confessional, and cultural-linguistic affinity with the regions of neighboring states, and when the federal center uses their regions for important geopolitical factors for the foreign policy of the federal center. Building close ties based on cultural, linguistic, and ethnic affinity, the Russian regions perform a "compensating function," making up for the lack of mutual understanding at the level of bilateral relations. They also act as "diplomatic agents" of the federal center in international organizations which promote local-level democracy. Regions also have the potential to build up Russia's "soft power." Although cross-border cooperation implies some costs, which the federal authorities try to reduce through legal regulation, it is still widely supported by federal governments.

Keywords: regionalization, cross-border cooperation, intrastate regions as actors, transnational actor, Euroregions, geopolitical factor, socio-economic problems, ethno-confessional factor, cultural and historical factor

About the author:

Leili R. Rustamova – Ph.D. (Political Sci.), associate professor at the World Politics Department, MGIMO-University; senior researcher at the Institute of current international problems of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry. E-mail: leili-rustamova@yandex.ru

Acknowledgements:

The article was prepared within the framework of the MGIMO grant of the Ministry of Foreign Affairs of Russia for the performance of scientific work by young researchers of CMU-IX

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

References:

- Frątczak-Müller J., Mielczarek-Żejmo A. 2015. Cross-Border Partnership – the Impact of Institutions on Creating the Borderland Communities (the Case of Spree-Neisse-Bober Euroregion). *Innovation The European Journal of Social Science Research*. 29(1). P. 1-21. DOI: 10.1080/13511610.2015.1098523
- Fry E.H. 2009. An Assessment of Quebec's Relations with States in the U. S. Federal System. *Quebec Studies*. №47. DOI: 10.3828/QS.47.1.141
- Keohane R., Nye J. 1989. *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. Boston: Little, Brown and Company. 300 p.
- Lawrence R. 2011. Deriving Collaborative Aims and Outcomes: A Case-Study of Cross-Border Cooperation in Central and Eastern Europe. *Evaluation*. №17. P. 365-382.
- Mircea B. 2010. European Instruments of Cross-border Cooperation. Case Study: the Romanian-Ukrainian Border. Maron F., Pozarlik G. *Identités, citoyennetés et démocratie, 20 ans après*. Bruxelles: Editions Bruylant. P. 265-280. (In French)
- Noferini A., Berzi M., Camonita F., Durà A. 2019. Cross-Border Cooperation in the EU: Euroregions Amid Multilevel Governance and Reterritorialization. *European Planning Studies*. 28(1). P. 35-56. DOI: 10.1080/09654313.2019.1623973
- Nye J.S. 2011. *The future of power*. New York: Public Affairs. 320 p.
- Russett B., Starr H. 1981. *World Politics. Menu for Choice*. San Francisco: Freeman.
- Sabau C. 2012. Cross-Border Cooperation in Europe: The Case of Bihor-Hajdu Bihar Euroregion. *International Business Research*. 5(3). P. 91-99.
- Scott J. 2013. Constructing Familiarity in Finnish-Russian Karelia: Shifting Uses of History and the Re-Interpretation of Regions. *European planning studies*. 21(1). P. 75-92.
- Sousa L. 2013. Understanding European Cross-border Cooperation: A Framework for Analysis. *Journal of European Integration*. 35(6). P. 669-687, DOI: 10.1080/07036337.2012.711827
- Akimov Ju.G. 2016. Paradiplomatiya kak sredstvo vyrazheniya regional'noj identichnosti sub'ektov federacii [Paradiplomacy as a Means of Expressing the Regional Identity of the Subjects of the Federation]. *Administrative Consulting*. 2(86). P. 25-33. (In Russian)
- Baklanov P.Ya., Romanov M.T. 2010. Geopoliticheskie faktory razvitiya transgranichnykh regionov [Geopolitical Factors of Development of Cross-Border Regions]. *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke*. 2(51). P. 60-71. (In Russian)
- Barabanov O.N. 2000. Vnutrigosudarstvennye regiony kak aktory v mezhdunarodnykh otnosheniyah: zarubezhnye tendentsii i polozhenie sub'ektov RF [Domestic Regions as Actors in International Relations: Foreign Trends and the Position of the Subjects of the Russian Federation]. *Obshchestvo, politika, nauka: novye perspektivy*. №114. P. 477-501. (In Russian)
- Budanova I.A. 2013. «Aktornost'» evroregionov ["Actornity" of Euroregions]. *MGIMO Review of International Relations*. №3. P. 57-63. (In Russian)
- Busygina I.M., Filippov M.G. 2013. Konkurentosposobnost' rossijskikh regionov: horoshie instituty ili horoshaya geografiya? [Competitiveness of Russian Regions: Good Institutions or Good Geography?]. *Social Sciences and Contemporary World*. №6. P. 5-14. (In Russian)
- Emirov R.M. 2014. Etnonatsional'nyj faktor vo vzaimootnosheniyah Kavkaza i stran Blizhnego Vostoka [Ethno-National Factor in Relations between the Caucasus and the Countries of the Middle East]. *The Authority*. №12. P.207-2012. (In Russian)
- Fedorov G.M., Gorodkov M.A., Zhukovskij I.I. 2011. Rol' Kaliningradskoj oblasti v razvitií rossijsko-germanskikh svyazey [The Role of the Kaliningrad Region in the Development of Russian-German Relations]. *Baltiiskij region*. 4(10). P. 41-48. (In Russian)

Glazyrina I.P., Zabelina I.A., Klevakina E.A. 2014. Ekologicheskaja sostavljajushhaja ekonomicheskogo razvitiya: prigranichnye regiony Rossii i Kitaja [Ecological Component of Economic Development: Border Regions of Russia and China]. *ECO Journal*. 6(480). P. 5-24. (In Russian).

Ivanov V.N., Zhundubaev M.K. 2015. Mezhregional'noe i prigranichnoe sotrudnichestvo Rossii i Kazakhstana: osnovnye priority [Interregional and Cross-Border Cooperation between Russia and Kazakhstan: Main Priorities]. *National Interests: Priorities and Security*. 7(292). P. 38-51. (In Russian)

Kazakov M.A., Lyscev M.S. 2018. Voennoe sotrudnichestvo kak sostavljajushhaja rossijsko-japonskih otnoshenij: 1993-2017 gg [Military Cooperation as a Component of Russian-Japanese Relations: 1993-2017]. *Vestnik NNGU*. №2. P. 9-16. (In Russian)

Kolesnikova A.V., Brezgin V.S. 2012. Lesopol'zovanie v Rossii i v Kitae: sravnitel'nyj analiz [Forest Management in Russia and China: a Comparative Analysis]. *ECO Journal*. 11(461). C. 105-121. (In Russian)

Kudryashova E.V., Zarubina L.A. 2018. Mezhdunarodnaya proektnaya deyatel'nost' kak instrument regional'nogo razvitiya i stimulirovaniya sotrudnichestva (na primere uchastiya Arhangel'skoj oblasti v programme prigranichnogo sotrudnichestva "Kolarktiki") [International Project Activities as a Tool for Regional Development and Stimulation of Cooperation (on the Example of the Participation of the Arkhangelsk Region in the Kolarctic Cross-Border Cooperation Program)]. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*. №6. P. 88-97. (In Russian) DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.88

Kuz'min V.M. 2009. Stanovlenie politicheskoy limologii i ee mesto v sisteme nauk o granicah i funkcionirovanii prigranichnykh territorij [Formation of Political Limology and its Place in the System of Sciences about Borders and Functioning of Border Areas]. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. №3. P.105-115. (In Russian)

Kuznecov A.V. 2004. Rossijskoe uchastie v evroregionah [Russian Participation in Euroregions]. *Region sotrudnichestva*. №4. P. 5-19. (In Russian)

Lebedeva M.M. 2019. Transformacija roli gorodov i vnutrigosudarstvennykh regionov v mirovoj politike [Transformation of the Role of Cities and Intrastate Regions in World Politics]. *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. №1. P. 7-16. (In Russian). DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/7-16

Medeubaev E.I. 2015. Problemy bezopasnosti i transgranichnogo sotrudnichestva v zone kazahstansko-rossijskih pogranichnykh territorij: opyt prigranichnogo sotrudnichestva Aktjubinskoj oblasti (RK) i Orenburgskoj oblasti (RF) [Problems of Security and Cross-Border Cooperation in the Zone of the Kazakh-Russian border Territories: the Experience of Cross-Border Cooperation of the Aktobe Region (RK) and the Orenburg Region (RF)]. *Sovremennye evrazijskie issledovaniya*. №1. P. 54-59. (In Russian)

Munhbat D. 2018. Palomnichestvo mongolov: tradicii i sovremennost' [Pilgrimage of the Mongols: Tradition and Modernity]. *Nations and religions of Eurasia*. 2(15). P. 79-84. (In Russian) DOI: 10.14258/nreur(2018)2-07

Odincova A.V. 2015. Opyt i problemy prigranichnogo sotrudnichestva [Experience and Problems of Cross-Border Cooperation]. *Federalizm*. 4(80). P. 97-110. (In Russian)

Rustamova L.R. 2019. Problemy i perspektivy prigranichnogo sotrudnichestva evroregionov s uchastiem Rossii [Problems and Prospects of Cross-Border Cooperation of Euroregions with the Participation of Russia]. *Regionologiya*. 27(4). P. 711-733. DOI: 10.15507/2413-1407.109.027.201904.711-733. (In Russian)

Shipicina T.Ju. 2015. Sostojanie migracionnoj politiki v prigranichnykh regionah Rossii: osobennosti, tendencii i vlijanie na bezopasnost' gosudarstva v pogranichnoj sfere [The State of Migration Policy in the Border Regions of Russia: Features, Trends and Impact on State Security in the Border Area]. *Vestnik GUU*. №1. P. 252-258. (In Russian)

Sidorov S.A. 2012. Pogranichnaya politika v pogranichnom prostranstve DFO: problemy, ugr ozy, perspektivy. [Border Policy in the FEED Border Space: Problems, Threats, Prospects]. *Customs Policy of Russia in the Far East*. 3(60). P. 34-41. (In Russian)

Stepanova S.V. 2017. Razvitie turizma v prigranichnyh rossijskih regionah [Development of Tourism in the Border Regions of Russia]. *The Bulletin of the Far Eastern Federal University. Economics and Management*. 4(84). P. 17-27. (In Russian)

Subanakov G.Ju. 2017. Analiz prigranichnogo sotrudnichestva Rossii i Mongolii (na primere Respubliki Burjatija) [Analysis of Cross-Border Cooperation between Russia and Mongolia (on the Example of the Republic of Buryatia)]. *BSU Bulletin. Economics and Management*. №3. P. 58-64. (In Russian) DOI: 10.18101/2304-4446-2017-3-58-64

Sulejmanov R.R. 2016. Vliyanie Turcii v Tatarstane: faktor "myagkoj sily" [The Influence of Turkey in Tatarstan: the Factor of "Soft Power"]. *Musul'manskij mir*. №1. P. 28-38. (In Russian)

Vendina O.I., Gricenko A.A. 2017. Kul'turnyj landshaft pogranich'ya i bor'ba za simvolicheskie resursy utverzhdeniya suvereniteta [The Cultural Landscape of the Borderlands and the Struggle for Symbolic Resources for the Assertion of Sovereignty]. *V fokuse naslediya: Sbornik statej, posvyashchennyj 80-letiyu YU. A. Vedenina i 25-letiyu sozdaniya Rossijskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kul'turnogo i prirodnogo naslediya imeni D. S. Lihachyova*. Ed.by Kuleshova M.E. Moscow. P. 398-416. (In Russian)

Verholanceva K.V. 2009. Opyt uchastiya rossijskih regionov v evropejskih transgranichnyh prostranstvah (na primere evroregiona «Kareliya») [Experience of Participation of Russian Regions in European Cross-Border Areas (on the Example of Euroregion "Karelia")]. *The Authority*. №3. (In Russian)

Volkova A.E. 2015. Kontsept «Finno-ugorskogo mira»: tsentrobezhnnyye trendy i vliyaniye na vnutrennyuyu i vneshnyuyu politiku Rossiyskoy Federatsii [“Finno-Ugric World” Concept: Centrifugal Trends and Impact on Internal and Foreign Policy of the Russian Federation]. *Central Russian Journal of Social Sciences*. №3. P. 226-234. (In Russian) DOI: 10.12737/11697

Zarubina L.A., Kudryashova E.V. 2019. Programmy prigranichnogo sotrudnichestva kak resurs social'no-ekonomicheskogo razvitiya barenceva regiona (na primere programmy “Kolarktiki”) [Cross-Border Cooperation Programs as a Resource for Socio-Economic Development of the Barents Region (on the Example of the Kolarctic Program)]. *Contemporary Europe – Sovremennaya Evropa*. 4(89). P. 85-96. (In Russian) DOI: 10.15211/soveurope420198596

Zayac D.V., Zotova M.V., Turov N.L., Klyuchnikov M.I. 2017. Krizis rossijsko-ukrainskih otnoshenij: posledstviya dlya transgranichnyh vzaimodejstvij v Belgorodskoj oblasti [The Crisis of Russian-Ukrainian Relations: Implications for Cross-Border Interactions in the Belgorod Region.]. *Izvestiya Rossijskoj Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*. №5. P. 42-56. (In Russian) DOI: 10.7868/S0373244417050048

Zotova M.V., Kolosov V.A. 2018. Transformacija transgranichnyh vzaimodejstvij na rossijsko-ukrainskom pogranich'e posle 2014 goda [Transformation of Cross-Border Interactions on the Russian-Ukrainian Borderland after 2014]. *Comparative Politics Russia*. № 2. P 41-61. (In Russian) DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-2-41-61

Zuenko I. Ju. 2020. Pandemiya koronavirusa i rossijsko-kitajskoe regional'noe sotrudnichestvo [Coronavirus Pandemic and Russian-Chinese Regional Cooperation]. *Oriental Institute Journal*. №2. P. 15-28. DOI: 10.24866/2542-1611/2020-2/15-28 (In Russian)

Список литературы на русском языке:

- Акимов Ю.Г. 2016. Парадипломатия как средство выражения региональной идентичности субъектов федераций. *Управленческое консультирование*. 2(86). С. 25-33.
- Бакланов П.Я., Романов М.Т. 2010. Геополитические факторы развития трансграничных регионов. *Таможенная политика России на Дальнем Востоке*. 2(51). С. 60-71.
- Барабанов О.Н. 2000. Внутригосударственные регионы как акторы в международных отношениях: зарубежные тенденции и положение субъектов РФ. *Общество, политика, наука: новые перспективы*. Москва: МОНФ. №114. С. 477-501.
- Буданова И.А. 2013. «Акторность» еврорегионов. *Вестник МГИМО-Университета*. №3. С. 57-63.
- Бусыгина И.М., Филиппов М.Г. 2013. Конкурентоспособность российских регионов: хорошие институты или хорошая география? *Общественные науки и современность*. №6. С. 5-14.
- Вендина О.И., Гриценко А.А. 2017. Культурный ландшафт пограничья и борьба за символические ресурсы утверждения суверенитета. В *фокусе наследия: Сборник статей, посвященный 80-летию Ю.А. Веденина и 25-летию создания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва*. Отв. ред: М.Е. Кулешова. Москва. С. 398-416.
- Верхоланцева К.В. 2009. Опыт участия российских регионов в европейских трансграничных пространствах (на примере еврорегиона «Карелия»). *Власть*. №3. Р. 70-73
- Волкова А.Е. 2015. Концепт «Финно-угорского мира»: центробежные тренды и влияние на внутреннюю и внешнюю политику Российской Федерации. *Среднерусский вестник общественных наук*. №3. С. 226-234. DOI: 10.12737/11697
- Глазырина И.П., Забелина И.А., Клевакина Е.А. 2014. Экологическая составляющая экономического развития: приграничные регионы России и Китая. *ЭКО*. 6(480). С. 5-24.
- Зарубина Л.А., Кудряшова Е.В. 2019. Программы приграничного сотрудничества как ресурс социально-экономического развития баренцева региона (на примере программы «Колярктик»). *Современная Европа*. 4(89). С. 85-96. DOI: 10.15211/soveurope420198596
- Заяц Д.В., Зотова М.В., Туров Н.Л., Ключников М.И. 2017. Кризис российско-украинских отношений: последствия для трансграничных взаимодействий в Белгородской области. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. №5. С. 42-56. DOI: 10.7868/S0373244417050048
- Зотова М.В., Колосов В.А. 2018. Трансформация трансграничных взаимодействий на российско-украинском пограничье после 2014 года. *Сравнительная политика*. №2. С. 41-61. DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-2-41-61
- Зуенко И.Ю. 2020. Пандемия коронавируса и российско-китайское региональное сотрудничество. *Известия Восточного института*. №2. С. 15-28. DOI: 10.24866/2542-1611/2020-2/15-28
- Иванов В.Н., Жундубаев М.К. 2015. Межрегиональное и приграничное сотрудничество России и Казахстана: основные приоритеты. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 7(292). С. 38-51.
- Казаков М.А., Лысцев М.С. 2018. Военное сотрудничество как составляющая российско-японских отношений: 1993-2017 гг. *Вестник ННГУ*. №2. С. 9-16.
- Колесникова А.В., Брезгин В.С. 2012. Лесопользование в России и в Китае: сравнительный анализ. *ЭКО*. 11(461). С. 105-121.

Кудряшова Е.В., Зарубина Л.А. 2018. Международная проектная деятельность как инструмент регионального развития и стимулирования сотрудничества (на примере участия Архангельской области в программе приграничного сотрудничества "Коларктик"). *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. №6. С. 88-97. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.88

Кузнецов А.В. 2004. Российское участие в еврорегионах. *Регион сотрудничества*. №4. С. 5-19.

Кузьмин В.М. 2009. Становление политической лимологии и ее место в системе наук о границах и функционировании приграничных территорий. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. №3. С. 105-115.

Лебедева М.М. 2019. Трансформация роли городов и внутригосударственных регионов в мировой политике. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. №1. С. 7-16. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/7-16

Медеубаев Е.И. 2015. Проблемы безопасности и трансграничного сотрудничества в зоне казахстанско-российских пограничных территорий: опыт приграничного сотрудничества Актыбинской области (РК) и Оренбургской области (РФ). *Современные евразийские исследования*. №1. С. 54-59.

Мунхбат Д. 2018. Паломничество монголов: традиции и современность. *Народы и религии Евразии*. 2(15). С. 79-84. DOI: 10.14258/nreur(2018)2-07

Одинцова А.В. 2015. Опыт и проблемы приграничного сотрудничества. *Федерализм*. 4(80). С. 97-110.

Рустамова Л.Р. 2019. Проблемы и перспективы приграничного сотрудничества еврорегионов с участием России. *Регионоведческие исследования*. 27(4). С. 711-733. DOI: 10.15507/2413-1407.109.027.201904.711-733

Сидоров С.А. 2012. Пограничная политика в пограничном пространстве ДФО: проблемы, угрозы, перспективы. *Таможенная политика России на Дальнем Востоке*. 3(60). С. 34-41.

Степанова С.В. 2017. Развитие туризма в приграничных российских регионах. *Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление*. 4(84). С. 17-27.

Субанакоев Г.Ю. 2017. Анализ приграничного сотрудничества России и Монголии (на примере Республики Бурятия). *Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент*. №3. С. 58-64. DOI: 10.18101/2304-4446-2017-3-58-64

Сулейманов Р.Р. 2016. Влияние Турции в Татарстане: фактор «мягкой силы». *Мусульманский мир*. №1. С. 28-38.

Фёдоров Г.М., Городков М.А., Жуковский И.И. 2011. Роль Калининградской области в развитии российско-германских связей. *Балтийский регион*. 4(10). С. 41-48.

Шипицина Т.Ю. 2015. Состояние миграционной политики в приграничных регионах России: особенности, тенденции и влияние на безопасность государства в пограничной сфере. *Вестник ГУУ*. №1. С. 252-258.

Эмиров Р.М. 2014. Этнонациональный фактор во взаимоотношениях Кавказа и стран Ближнего Востока. *Власть*. №12. С. 207-212.